

Егор ИСАЕВ:

ДУМАЮ, НАДО СНОВА РАЗВЕСТИ КУР

ОБ АВТОРЕ.

Известный советский поэт Егор Исаев родился в 1926 году в деревне Коршево Воронежской области. Участвовал в Великой Отечественной войне: освобождал Прагу, отмечен наградами. В 1955-м закончил Литературный институт, 30 лет работал редактором в издательстве «Советский писатель».

Автор поэм «Суд памяти» и «Даль памяти». Общий тираж его книг — около 5 миллионов экземпляров. Лауреат Ленинской премии (1982), Герой Социалистического Труда. Профессор, много лет преподавал в Литературном институте. Возглавлял Всесоюзную Пушкинскую комиссию.

Живет и работает в писательском поселке Переделкино.

Корни

Мы вольные, из стрельцов. Из нашего села знаменитый книгоиздатель и друг Чехова Алексей Суворин. Есть и генерал, и известный физик, и оперный певец, и даже министр здравоохранения Таджикистана. Такой, вам скажу, бант. Отцу пришлось стать учителем начальных классов, буквально под пистолетом ОГПУ. Грамотнее его в селе никого не оказалось. В школе я называл его Александром Андреевичем, а дома — папой. Мать Фекла Ефимовна с образованием в полкласса, грамоту вспомнила после смерти отца. И почти печатными буквами переписывалась с нами, своими сыновьями. Человек невероятной воли, никакой сентиментальности. Не помню ее ласки, а забота — на всю жизнь. Свойство деревенской педагогики.

Те, кто в наше время женился на прописке, в писатели так и не попали. Я же взял девушку из рабочего поселка, каким тогда было нынешнее Новопеределкино.

Семья

Моя Евгения Степановна была женой человека, а не писателя. Ведь любовь — самое скромное, самое застенчивое слово, самое тайночное... А у нас любовь ложками теперь.

По ночам смотрю на портрет своей Евгении Степановны, вспоминаю.

Тебя уж нет давно,

а я все верю в чудо,

Что ты хоть раз один

отпросишься оттуда...

В конце зимы 56-го, вместе с двоюродным братом, повезли на салазках мою беременную жену к перворассветной электричке. На «Солнечной» успели прокричать дежурной железнодорожнице: «Везем роженицу!» На Киевском вокзале нас уже встречали врачи с носилками. Прокричите сейчас — кто только услышит?! Первый наш сын Алексей спал в чемодане.

Мое продолжение — внуки Никитка, Егор, внучка Катя. Они в Москве учатся.

Поэзия

Надо писать не по привычке, потому что ты какой-то там член. Можно быть трижды членом и при том разных союзов писателей. Дело в чувстве слова и чувстве жизни. Это и есть талант. Поэзия — не профессия, не политика, а сама жизнь. Когда не пишется, то я себя не насилюю. Занимаюсь котятками — любимцами моих внуков. Люблю этих пушистых ребят.

Сейчас гениально все то, что оплачено. Сказать другому, что он гениален, — это и самому расписаться в своей причастности к гению. Забыли пастернаковское: «Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех».

Вот и остались только старые песни о главном, а главного-то нет. Только одна из главных песен о главном опять звучит. Гимн — дело трудное. Мне хотелось бы Глинку, слов поближе к современности, но с памятью. Я не знаю, нужен ли этот гимн Михалкову. Он ведь старый человек... Сколько среди нас, писателей, осталось лауреатов Ленинской? Он — за «Дядю Степу», Мустай Карим да я.

Мое седое поколение — оно особого колена. Ношу в своем сердце Сану Межирова. Я был в Америке, и мы с ним целый час говорили по телефону. «Егор, все равно поэзия победит!» — повторял он мне. Я ему задал вопрос: «Саня, это правда, что ты отказался от стихотворения «Ком-

мунисты, вперед!»? Он чего-то очень заколебался. Я в это, даже когда он откажется, все равно не поверю. Почему? Потому что это была правда. Вот когда «карьеристы, вперед!» — тут поэзия кончается.

Политика

Вот сейчас много говорят о демократии, а где эта демократия? Всюду, куда ни глянь, — интеллигенция. Но ведь интеллигенции для себя не бывает. Интеллигенция — это когда для других. Поэт здешних мест правильно говаривал: «Цель творчества — самоотдача...»

Сейчас одна только правда денег и больше ничего. Много формальности, много игрового. Все играем, играем и играем. По радио, по телевидению. Я очень хорошо, скажем, отношусь к «Полю чудес». Угадываем по буквам слово, а где-то у нас старушка замерзает. На экране такая симпатичная общительность, а старушка не может истопить свою печь той же соломой, которой она могла топить эту печь всю свою жизнь. Откуда ей теперь ее взять? А угля ей вообще никто не привезет. Перешагнули через старушку. Вот вам и «Поле чудес», только вне телевизионного экрана.

Меня помнят. Вот как-то Лужков на открытии мемориальной доски Леониду Леонову подошел ко мне и прочитал наизусть:

Ах, Тонька, Тонька,

Вся она как речка,

Попить — попей,

А переплыть ни-ни...

Пожалуйста — хозяйственник, а чувствует поэзию.

А то, видите ли, появились новые оценщики моих поэм. Я, оказывается, «автор партийных поэм», как изволил выразиться господин Леонтьев с ОРТ. Что он знает? Что читал? Что он вообще понимает, кроме своих заушных комментариев, в которых народ ничего не поймет?

Я интервью НТВ не стал давать. Не стал — и всё!

Власть

Никогда не был конъюнктурщиком и не любил словоблудия вокруг власти, а многие этим занимались и продолжают заниматься. Я к власти не приходил, власть ко мне сама шла. Наверное, потому что у меня слишком выражен народный имидж. Поэтому они со мной всегда на «ты». Горбачев взял меня с собой в Англию. Знали, что я — человек не протокольный, и все-таки: «Егор, а ты говори, что хочешь и где хочешь». Успел я и в Английском парламенте выступить. Мы, говорю, братцы, накопили огня на всю Солнечную систему. Мы были таким сильным и мощным государством, а куда все делось? За одну ночь три нерадивых мужика нас сдали паханам. И теперь стоит такое застенчивое государство и не знает, где мы, а где паханы.

Сколько вижу вокруг людей без мировоззрения! Верхушка власти без мировоззрения. И потому она ничего доказать народу не может. Народ власти не верил и не верит. Из-за Ельцина тоже.

Когда я был депутатом Верховного Совета, еще до его президентства, он даже как-то позвонил мне. На «ты» был, как у них положено. Знаю, он говорил, что в литературе ему симпатичны Егор Исаев, Борис Можжаев, а из экономистов Николай Шмелев. Только все вышло как-то странно. Любимым экономистом у него оказался Гайдар, а про писателей он вспоминал все меньше и меньше. К нелюбимому КГБ обратился за последней помощью и даже в нем отыскал себе преемника. Который сказал, что надо

Фото Игоря ИВАНДИКОВА

«мочить в сортирах». К сожалению, это только прибавило цинизма в нашем и без того циничном обществе. Разрешило его выше. Все вокруг какое-то совсем никакое. А власть без воли — не власть. Так что пока не вижу альтернативы Путину.

Мне вообще всегда есть, что сказать начальству. И приглашали, и слушали. Но кто пригласит поэта, лауреата Ленинской премии, на беседу сейчас? А ведь я хочу с Путиным поговорить. Мне есть, что ему сказать, не меньше Людэ Зыкиной, которая у него уже побывала. Сказал бы, что нельзя строить общество только на частной собственности. Социализм все равно победит. Он неизбежен. Может, не в таком риторическом варианте и виде, какой мы знали. Но он неизбежен.

Что делать?

Каждое утро сейчас у меня начинается с уборки снега на участке. Скажут, кокетничает Исаев. Ничего подобного! Все к перу, к перу, к перу. А не пора ли к топору, к рубанку? И чтоб завтра снова, снова, вот тогда и проявится слово. Солнечно пройдет по верстаку и само запросится в строку.

Руками надо что-то делать. Хотя бы разводить кур. Я разводил одно время, посмеивались надо мной. Будто я тем самым как бы подавал пример писательского выживания в наше время. Только не надо мной они смеялись, а над Толстым и Чеховым. Труд сейчас не в чести. Воровство — пожалуйста, и в особо крупных размерах. Не делайте из меня писателя для писателей. Почему Чехов, будучи больным, сам принимал больных? Знаете ли вы, шутники, сколько стоят нынче корма? Килограмм пшеницы в два раза дороже килограмма курятины.

Вот недавно читал, один известный предприниматель решил пере-

ориентировать свой шоубизнес на разведение кур в подмосковных хозяйствах. Надеется на инвестиции из ряда европейских стран. Решил, что гораздо выгоднее кормить не песнями, а курятиной. Правильно, а то нашим резервом уже давно стали ножки Буша. Только почему они у нас востребовались? Это — тоже инвесторство, только натуральное. Сейчас предлагается инвесторство деньгами, совместным производством. Начнут кормить по-бельгийски, чего доброго. Хочу задать вопрос себе и газете: неужели нельзя иначе? Я понимаю администрацию Московской области: надо накормить многочисленный регион. Но ведь жизнь взаимны — довольно рискованная штука. Мы уже столько всем задолжали! Не лишает ли это нас хозяйственной самостоятельности? И вообще не очередная ли это долговая яма для нас?

Мы долго пели, что «на Марсе будут яблони цвести». Про Марс пели, а на Земле посадить дерево забыли. А я вот завел на солнечной стороне своего участка яблоневый сад. Весной ко мне все ходят нюхать — сад цветет у Исаева! Яблони, вишни — бархатная ягода. Земли хватает — не хватает неба. На моем переделкинском участке сосны подступают к дому, и солнца даже не в полнеба, а в треть. Даже в парниках огурцы, помидоры не наливаются солнцем...

Попробовать, конечно, надо. Это ведь довольно выгодный продукт питания. Из яйца — курица, из курицы — супец... Но надо смотреть и где свой золотой рубль лежит. А мы как буквально, так и образно говоря, не занимаемся золотодобычей. Она-де — тяжелая.

Думаю, надо снова развести кур...

Записал
Николай СУХОТСКИЙ

Исаев
Егор

23.02. - 1.03. - 2001г.